

Кристина Ярова

Остров на краю земли

Кристина Ярова

Остров на краю земли

<https://litres.ru/74199992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет, дреды, татуировки и серебро в проколотой брови. Пережив смерть родителей, выгорание и предательство друзей, лишивших её модного бренда, Пальма бежит из мегаполиса. Она покупает вслепую заброшенный каменный дом на шотландском острове, взяв с собой лишь чемодан, ноутбук и швейную машинку. В доме нет интернета, и Пальма работает онлайн из плетёного кресла-качели в портовом кафе Эша. Но по вечерам она вручную приручает старый быт. Отмывая дубовую кухню и сшивая новые белые шторы с узорами диких трав, она выстраивает параллель: «ремонт дома = восстановление себя». Суровый остров, упрямые грядки, житейская мудрость соседки Мэгги и молчаливое, надёжное плечо водителя паромов Калума — человека, который тоже знает цену городского предательства, — станут нитями, из которых Пальма скроит совершенно новое, летящее бледно-жёлтое платье своей будущей жизни. Её неординарность здесь — не изгойство, а её главная сила.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кристина Ярова

Остров на краю земли

Глава 1

Ключ повернулся в старой замочной скважине с тяжелым, ржавым скрежетом. Пальма толкнула плечом дубовую дверь, и та поддалась, впуская внутрь густой шотландский воздух.

Дом встретил её запахом соли, многолетней пыли и старого сухого дерева. На календаре был конец июля. Снаружи вовсю пекло непривычно щедрое для этих мест солнце, но Пальма знала: это затишье перед бурей. Остров дарил ей короткую передышку, словно проверяя на прочность. До первой северной зимы оставалось всего несколько месяцев, и за это время ей нужно было превратить это заброшенное убежище в крепость.

Она вошла в просторную кухню-гостиную. Сквозь немытые окна пробивались косые лучи света, подсвечивая танцующие в воздухе пылинки. Мебель — добротная, тяжелая, из темного дерева — сиротливо стояла вдоль стен. Пол и обои явно умоляли о косметическом ремонте, но Пальма видела в этой запущенности холст. Чистый холст, который ей предстояло расписать заново.

Она поднялась по скрипучей лестнице на чердак. Здесь,

прямо под скошенной крышей, притаилась будущая спальня. Небольшое окно выходило на набережную, откуда даже сквозь закрытые стекла доносился мерный, убаюкивающий плеск прилива и пронзительные крики чаек. Рядом, за деревянной перегородкой, пряталась ванная комната. Посреди нее на изящных львиных лапах стояла тяжелая чугунная ванна. Пальма провела ладонью по её холодному борту и улыбнулась первой искренней улыбкой за последние полгода. Она уже видела, как будет лежать здесь по вечерам, смывая с кожи строительную пыль, усталость и мысли, которые тревожили ее целыми днями.

Спустившись вниз, Пальма посмотрела на свои вещи, оставленные у порога. Весь её багаж уместился в три предмета. Большой чемодан на колесиках. Ноутбук в потертом чехле. И тяжелая коробка со швейной машинкой, которую она купила пару часов назад в порту, едва сойдя с парома.

Яркий комбинезон цвета хаки, сшитый её собственными руками, дико контрастировал с серо-бежевым интерьером дома. Пальма поправила одну из дредин, упавших на лицо, и коснулась пальцами сережки в проколоте брови.

«Один чемодан, компьютер и швейная машинка, — подумала она, глядя на этот скромный набор. — А что еще нужно, чтобы сшить свою жизнь заново?»

Из открытого окна донесся протяжный гудок туристического автобуса, приехавшего на набережную, и далекое мычание коров, пасущихся на зеленых холмах выше по склону.

Остров жил своей размеренной, вековой жизнью. И теперь Пальма была его частью.

Пальма опустилась прямо на пыльный деревянный пол, прислонившись спиной к тяжелому дубовому комоду. Взгляд её упал на ноутбук. Достаточно было просто поднять крышку, чтобы на экране проступили призраки её прошлой жизни.

Всего три недели назад она сидела в душном, залитом люминесцентным светом офисе в центре мегаполиса. Вокруг привычно шумели коллеги, бесконечно звонили телефоны, а на её столе лежали образцы тканей для новой коллекции бренда, из которого давно ушла всякая душа. Пальма помнила ту серую, удушливую среду. Глаза резало от монитора, в груди стоял тяжелый ком после очередного бессмысленного разговора с людьми, которых она когда-то считала друзьями, но которые испарились вместе со смертью её родителей. Выгорание не просто постучалось в дверь — оно выбило её, оставив внутри Пальмы только пепел.

Она бездумно листала бесконечные рабочие вкладки, пока палец случайно не кликнул по ссылке, которую кто-то скинул в общий чат ради шутки. Международный аукцион недвижимости. Зброшенны объекты.

И там, среди сотен лотов, был он. Маленький каменный дом на далеком шотландском острове. Фотографии были блеклыми, стены выглядели угрюмо, но Пальма замерла. Она смотрела на скошенную крышу чердака и внезапно почув-

ствовала, как внутри впервые за много месяцев что-то дрогнуло.

На её счету лежали родительские сбережения. Не баснословное состояние, но этих денег, если посчитать на ходу, хватало впрыток: выкупить лот, сделать скромный ремонт и прожить полгода, не думая о еде, пока она перебивается редкими онлайн-заказами по дизайну интерьеров.

Пальма заполнила форму. Пальцы с короткими ногтями и татуировками на фалангах быстро вбили сумму — минимальную, на которую она была способна. Нажала «Отправить» и закрыла ноутбук, уверенная, что это просто минутное помешательство.

Но остров решил иначе. Ответ пришел на следующее утро. Сделка была утверждена с первой же заявки, без борьбы и переторжек. Слово этот дом на краю света просто ждал, пока она его найдет.

В тот же день Пальма написала заявление об увольнении, заблокировала три десятка контактов в телефоне и купила билет на самолет до Эдинбурга. Без долгих сборов, без прощальных вечеринок. Только она, чемодан и глухое, но упрямое желание выжить.

Пальма моргнула, возвращаясь в реальность шотландского июля. Воспоминание растаяло, оставив на губах горьковатый привкус, но страха больше не было. Был только дом, который требовал работы.

Пальма поднялась с пола, отряхнула джинсы и решитель-

но закатала рукава своего комбинезона. Прошлое осталось за океаном, а здесь и сейчас её ждал осязаемый, пыльный быт.

Первым делом она решила разобраться с коммуникациями, и тут же столкнулась с реальностью, далекой от её привычной квартиры в мегаполисе. Там, в городе, всё происходило по щелчку пальцев: «умный дом» сам регулировал температуру, горячая вода лилась бесконечным потоком, а плита включалась легким касанием сенсора. Здесь же Пальме пришлось пройти целый квест.

Чтобы включить газовую плиту на кухне, ей пришлось сначала выйти на задний двор, найти тяжелый ржавый баллон и с усилием повернуть вентиль. Когда она вернулась и чиркнула спичкой — старый пьез розжиг, конечно же, не работал — конфорка отозвалась глухим хлопком и зашипела синим пламенем. Пальма отпрянула, закашлявшись от резкого запаха газа.

Затем наступила очередь бойлера. Старый железный агрегат в кладовой глухо заурчал, когда она повернула тугой тумблер. На табло загорелась тусклая лампочка. «Вода будет теплой только через три часа», — гласила выцветшая инструкция на английском. Пальма вздохнула. В городе она даже не задумывалась, откуда берется горячая вода, а здесь тепло нужно было заслуживать и планировать заранее.

Вместо модных чистящих средств из супермаркета, у неё в руках оказались лишь старая тряпка, кусок мыла и вед-

ро. Пальма принялась за уборку. Каждый взмах руки поднимал облака вековой пыли, в которой смешались запахи сухой травы и овечьей шерсти. Она отмывала тяжелые подоконники, и сквозь очищенные стекла остров начал проступать ярче.

Она открыла окна настежь. В комнату тут же ворвался соленый ветер, выдувая запах заброшенности. С набережной донеслось раскатистое «Хелло, Магнус!» — один рыбак кричал что-то другому прямо с причала. Из дома напротив вышла пожилая женщина в плотном шерстяном кардигане и принялась развешивать белье, шлепая тяжелыми резиновыми сапогами по траве.

Пальма посмотрела на свои тонкие пальцы с остатками городского маникюра, на свои промокшие рваные джинсы и дреды. На секунду ей стало смешно. Она, человек, который создавал концепты минималистичных хай-тек интерьеров для пентхаусов, сейчас стояла с грязной тряпкой посреди шотландской глуши и радовалась тому, что бойлер в стене наконец-то перестал угрожающе свистеть.

Закончив с первой волной уборки, Пальма почувствовала, как в животе требовательно заурчало. Она привычно потянулась рукой к карману за телефоном, чтобы открыть приложение доставки, но тут же осеклась. На экране горел упрямый значок «Нет сети». Никаких курьеров на электросамокатах здесь не было и в помине.

В прошлой жизни Пальма практически не готовила. Её

рацион состоял из ресторанной еды, готовых боксов с правильным питанием и латте на вынос. Максимум, на что её хватало дома — это сварить пасту или сделать тосты. Теперь же ей предстояло добывать и готовить еду самостоятельно.

Она накинула свой самый яркий оверсайз-комбинезон цвета хаки, поправила дреды и вышла на улицу. Дорога вела вниз, к небольшой портовой площади. Солнце приятно припекало кожу, а свежий, покалывающий ноздри морской воздух выветривал из головы остатки дорожной усталости. Остров казался декорацией к старому фильму: приземистые каменные домики с цветными дверями, аккуратные палисадники и бесконечное, шумящее у самого горизонта синее море. Местные жители, одетые в практичные ветровки и тяжелые ботинки, провожали Пальму долгими, удивленными взглядами. Яркая тридцатилетняя девушка с татуировками на шее и проколотой бровью выглядела здесь как инопланетянка.

Пальма толкнула звенящую колокольчиком дверь местной фермерской лавки. Внутри пахло сыром, свежей землей и печеным хлебом. За прилавком стоял плотный мужчина в фартуке, который приветливо кивнул ей, но не стал навязываться с разговорами. Пальма растерянно побродила между рядами. Никаких привычных ярких упаковок и полуфабрикатов. Только корзины с фермерскими овощами, завернутые в пергамент куски домашнего сыра, свежая рыба и банки с местными джемами.

Понимая свою кулинарную беспомощность, Пальма первым делом схватила с полки у кассы небольшую, потрепанную книгу «Традиционные рецепты шотландских островов» — это было её спасением. Следом в её корзину отправились свежий хлеб, фермерское масло, десяток яиц и немного овощей.

Выйдя из магазина с тяжелым бумажным пакетом, Пальма решила немного прогуляться по набережной, чтобы изучить территорию. Она шла вдоль галечного пляжа, слушая, как с легким шуршанием перекачиваются под волнами камни. Чуть дальше, у кромки воды, пара старых рыбаков в резиновых комбинезонах потрошили утренний улов, лениво переговариваясь на сочном местном диалекте. Вокруг них с оглушительным криком кружили чайки, а у ног терлись три толстых кота, терпеливо ждавшие свою долю. Из окон редких туристических автобусов на Пальму глазели пенсионеры с фотоаппаратами, а на холмах неподалеку флегматично жевали траву лохматые коровы.

Остров был живым, самодостаточным и удивительно спокойным.

Пройдя набережную до самого конца, Пальма поняла, что её ноутбук в рюкзаке за спиной становится всё тяжелее, а дедлайн по проекту дизайна интерьера неумолимо приближается. Ей срочно нужен был интернет. Оглядевшись, на углу центральной улочки она наконец заметила вывеску кафе с уютно горящими внутри огнями.

Над входом в кафе покачивалась деревянная вывеска с вырезанным на ней названием «The Anchor & Hearth» («Якорь и очаг»). Само здание, сложенное из грубого серого камня, выглядело приземистым и надежным, словно могло выдержать любой шторм. Окна в мелкую клетку уютно светились теплым желтым светом, резко контрастируя с суровой северной архитектурой улицы.

Пальма толкнула тяжелую деревянную дверь, и над головой звякнул колокольчик. Внутри пахло молотым кофе, корицей, поджаренным беконом и едва уловимо — торфяным дымом от камина, который сейчас, в июле, конечно, не горел, но хранил тепло зимних вечеров.

Пальма быстро окинула взглядом обстановку. Интерьер был классическим для шотландской глубинки: темное дерево, старые морские карты на стенах, потертые кожаные диванчики. Но её цепкий взгляд дизайнера сразу выхватил одну необычную деталь. У самого дальнего окна, откуда открывался вид на залив, вместо привычного стула висело плетеное навесное кресло-качели. Это было идеальное убежище.

За стойкой стоял плотный мужчина лет сорока пяти в простом фартуке — это был Эш. Увидев вошедшую, он на секунду замер, разглядывая её дреды, татуировки на шее и яркий комбинезон цвета хаки. В его глазах промелькнуло удивление: он явно принял её за заблудившуюся туристку, отставшую от экскурсионного автобуса.

— Добрый день, — Пальма подошла к стойке, приветли-

во улыбнувшись, и поправила сережку в брови. — Мне, пожалуйста, большой латте, сэндвич с курицей и... — она замялась, кивнув на свой рюкзак. — У вас можно попросить пароль от вай-фая?

— Приветствую на острове, — Эш улыбнулся в ответ, его голос оказался низким и добродушным. — Пароль на доске за твоей спиной, «Hearth2010». Присаживайся, я принесу заказ.

Пальма поблагодарила его и направилась прямо к качелям. Устроившись в мягком плетеном коконе, она почувствовала, как кресло слегка качнулось под её весом. Это легкое ощущение невесомости странным образом успокаивало.

Она достала ноутбук, подключилась к сети и открыла почту. Экран тут же взорвался десятками уведомлений. Пальма глубоко вздохнула и принялась за работу. На сегодня у неё было запланировано два проекта по дизайну интерьеров для городских заказчиков — нужно было внести правки в чертежи гостиной. Но, прежде чем открыть рабочие программы, Пальма кликнула на скрытую папку в углу экрана, подписанную просто: «Моё».

Там хранились её личные наброски. Эскизы одежды, которую она мечтала сшить, когда у неё наконец появится время. Пальма сощурилась, глядя на экран. Линии ложились плавно: асимметричные пальто, комбинезоны со сложными карманами, смелые сочетания красного, черного и хаки. Она перевела взгляд на швейную машинку, которая осталась

ждать её в пустом доме, затем посмотрела на залив за окном.

Вай-фай работал стабильно. Латте, который Эш аккуратно поставил на её столик, оказался неожиданно правильным, с плотной молочной пенкой, а сэндвич пах точь-в-точь как в её любимой кофейне у старого офиса. Этот привычный городской вкус и мерное покачивание качели дали ей то, чего она не чувствовала уже очень давно — ощущение безопасности. Она была на своем месте.

Ремонт дома Пальма решила начать с самого сердца любого жилища — с кухни. Ей казалось, что если она сможет навести порядок там, где рождается тепло, то и остальной дом постепенно поддастся её рукам.

Первые два дня превратились в непрерывную битву с вековой грязью. Пальма докрасна стёрла ладони, перемывая горы старинной, покрытой слоем пыли посуды, оставшейся от прежних хозяев. Тяжелые фарфоровые тарелки с блеклым цветочным узором, массивные соусники и медные сотейники после горячей воды и мыла засияли первозданной чистотой. Пальма аккуратно расставила их на открытых деревянных полках.

Купленные в фермерской лавке продукты заняли свои места в утробе старого, мерно урчащего холодильника: домашний сыр в пергаменте, яйца в картонной коробке, свежая зелень. А на самое видное место — прямо по центру дубовой столешницы — Пальма водрузила потрепанную книгу традиционных шотландских рецептов. Это был её личный ма-

нифест новой жизни, обещание самой себе научиться заботиться о своем теле. По дороге из кафе она также заглянула в местную лавочку и купила пару мелочей для уюта: тяжелый глиняный подсвечник и плетеную салфетку под горячее. Кухня мгновенно ожила.

В смежной гостиной не было телевизора. Пальме, привыкшей к вечному фоновому шуму мегаполиса, сначала это показалось дикостью. Вместо черного экрана на стене главным смысловым центром комнаты был камин — глубокий, сложенный из грубого темного камня. Эш в кафе предупредил её, что топить его придется дровами, которые нужно заказывать у местного лесничего, и Пальма уже сделала пометку в блокноте. Ей предстояло научиться приручать живой огонь.

Она стащила с пола огромный, тяжелый шерстяной ковер, который пах сыростью, вытащила его во двор и со злостью принялась выбивать старой деревянной палкой. С каждым ударом в воздух взлетали плотные облака пыли, и Пальме казалось, что вместе с ними она выбивает из себя обиду на бывших друзей и серый офисный удушающий смог.

Избавившись от пыли, она перетасила из спальни на первом этаже свое старое кресло-мешок — единственную мягкую деталь, которую она позволила себе заказать с доставкой в порт. Оно смешно и дико смотрелось на фоне векового дуба, но Пальме было плевать.

Затем она сняла со всех окон тяжелые портьеры. Стиральной машины в доме пока не было, поэтому Пальма набрала

полную ванну холодной воды и принялась стирать их руками. Вода мгновенно потемнела. Выжимая плотную ткань до боли в суставах, она поймала себя на мысли, что эти шторы уже не спасти — они слишком ветхие.

«Сшить новый комплект из плотного льна цвета хаки и глубокого черного», — записала она в рабочий блокнот, и эта мысль отозвалась внутри приятным предвкушением.

На исходе третьего дня Пальма наконец поднялась на чердак. Её личная зона. Здесь она проявила себя как дизайнер: решительно переставила тяжелую кровать изголовьем к стене, освобождая самое светлое место. Прямо у скошенного окна, откуда открывался вид на засыпающую набережную, она организовала рабочую зону. Поставила простой деревянный стол, водрузила на него швейную машинку и разложила свои немногочисленные инструменты.

Последним аккордом стала ванна. Пальма отмыла чугунные борта до скрипа, дождалась, пока бойлер наконец нагреет воду, и набрала её до самого верха. Опустившись в горячую воду, она закрыла глаза. Снаружи шумел прилив, а внутри неё впервые за долгое время воцарилась звенящая, благословенная пустота.

Сил поползти до кровати почти не осталось. Пальма натянула теплую пижаму, рухнула на свежие простыни под самой крышей и мгновенно уснула под мерный стук шотландского

дождя, который начал накрапывать по стеклу.

Сон пришел мгновенно, тяжелый и душный, пахнущий не шотландской солью, а сырым городским асфальтом и дешевыми розами.

Пальма снова стояла на кладбище на окраине мегаполиса. Небо над головой было налито свинцом, а в лицо летел мелкий, едкий осенний дождь. Перед ней чернели два свежих холма земли. Автокатастрофа. Один секундный занос на скользкой трассе — и всё, чем она жила, во что верила, превратилось в грудку покорёженного металла. Родителей больше не было.

Вокруг толпились люди. Те самые «друзья», с которыми она тусовала по пятницам, коллеги из модного глянца, дальние родственники. Пальма видела их скорбные лица, но сквозь пелену шока отчетливо улавливала фальшь. Они шептались за её спиной, поглядывали на часы, вяло бормотали дежурные соболезнования: «Держись, ты сильная», «Время лечит». Кто-то уже через десять минут после погребения обсуждал в стороне свои рабочие контракты и новые рестораны.

В тот момент, стоя в черном пальто среди этого фальшивого скорбного маскарада, Пальма вдруг отчетливо поняла: она абсолютно, оглушительно одна. Эти люди не были её опорой. Город, который она любила, высосал из неё все силы, а теперь равнодушно наблюдал за её горем. Именно там, у двух гробов, внутри неё что-то окончательно перегорело.

Она больше не хотела видеть ни этих фальшивых лиц, ни этот лицемерный город. Она хотела исчезнуть. Стереть себя из их жизни.

Пальма резко открыла глаза и села на кровати. Сердце бешено колотилось в груди.

Она тяжело дышала, испуганно оглядываясь по сторонам. Но вокруг не было ни серого асфальта, ни кладбищенской ограды. Над головой мягко поскрипывали старые деревянные балки чердака. В маленькое окно у кровати стучал крупный, чистый шотландский дождь. В комнате пахло вымытым полом, свежим деревом и морем.

Пальма опустила ноги на пол, подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Внизу, в предрассветных сумерках, едва угадывались контуры набережной и сонные мачты рыбацких лодок. Настоящий шторм в её жизни уже прошел, оставив после себя лишь руины. И здесь, на этом далеком острове, среди чужих людей и старых стен, она наконец-то была в безопасности. Она выжила.

Пальма опустила ноги на пол, подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Внизу, в предрассветных сумерках, едва угадывались контуры набережной. Сердце всё еще напоминало о пережитом во сне кошмаре. Оставаться в четырех стенах было невыносимо.

Она быстро натянула рваные джинсовые шорты, свободную майку, перевязала дреды в тугий узел на затылке и выбежала на улицу. Остров только просыпался. Плотный утрен-

ний туман лениво полз по зеленым холмам, а воздух был настолько чистым и прохладным, что от первого вдоха перехватило дыхание.

Пальма побежала. Сначала медленно, прислушиваясь к гулкому стуку кроссовок по асфальту, но затем поймала ритм и свернула на грунтовую тропинку, уходящую вверх, прочь от рыбацких домиков. Ноги сами несли её к вершине холма. Городская привычка бегать на дорожке в душном спортзале сменилась диким, пьянящим ощущением свободы.

Тропинка оборвалась внезапно. Пальма замерла на самом краю огромного, отвесного утеса, уходящего вертикально вниз, в kloкочущую морскую пену. Перед ней открылся бескрайний, величественный океан. Ветер здесь был такой силы, что швырял в лицо соленые брызги и едва не сбивал с ног. Пальма подошла к самому краю, села на жесткую траву и обхватила колени руками.

Здесь, на высоте птичьего полета, её городские проблемы показались крошечными и незначительными. Океану не было дела до её выгорания, предательства друзей или боли. Он просто был — вечный, мощный и равнодушный. И в этой суровой простоте Пальма нашла невероятное утешение. Она поняла, что этот утес станет её тайным убежищем. Местом, куда она будет приходить каждый раз, когда внутренние демоны станут слишком громкими.

Просидев на скале около часа, пока солнце окончательно

не разогнало туман, Пальма отправилась обратно. На этот раз она пошла по незнакомой параллельной улочке и наткнулась на крошечную вывеску «Ткани и фурнитура». Колокольчик над дверью привычно звякнул.

Внутри лавка оказалась забита рулонами плотной шерсти, твида и сурового шотландского льна. Пальма шла между рядами, планируя, как и задумывала, найти тяжелый черный или темно-зеленый отрез для штор. Её взгляд профессионального дизайнера привычно искал строгие, защитные цвета. Но вдруг у самого дальнего стеллажа она остановилась.

На неё смотрел рулон мягкого, фактурного хлопка кипенно-белого цвета, украшенный деликатным, едва заметным узором в виде переплетенных диких трав. Это было абсолютно не в её стиле. Пальма любила графичность, бунт, манифест. Белый цвет казался ей слишком уязвимым. Она протянула руку, коснулась пальцами ткани и замерла.

«Хватит прятаться за черным», — вдруг пронеслось у неё в голове.

— Отрежьте мне вот этот, пожалуйста, — громко сказала она повернувшейся к ней пожилой хозяйке магазина.

Возвращаясь домой с тяжелым рулоном белой ткани под мышкой, Пальма впервые за долгое время почувствовала легкое, почти забытое волнение. Она нарушила свои собственные стандарты. И это было чертовски хорошо.

Утро началось со знакомого, ритмичного стука. Пальма

проснулась не от будильника, а от тяжелого рокота старого дизельного грузовичка, который остановился прямо у её крыльца.

Выглянув в окно чердака, она увидела крепкого мужчину в брезентовой куртке, который уже выгружал на её аккуратную лужайку колотые деревянные поленья. Дрова от лесничего, о которых говорил Эш, прибыли. Пальма быстро спустилась вниз, на ходу завязывая дреды в узел.

— Доброе утро! Сгружайте прямо у стены, под навес, — крикнула она, выходя на порог в своем неизменном ярком комбинезоне.

Лесничий, пожилой шотландец с лицом, обветренным до цвета мореного дуба, молча кивнул. Он окинул её неординарный вид коротким взглядом, но в ладонях у него не дрогнуло ни одно полено. Пальма расплатилась наличными из родительских сбережений, и когда грузовик уехал, оставив после себя запах солярки и свежей хвои, она сама принялась складывать поленницу. Работа была тяжелой, смола липла к пальцам, а щепки кололи ладони, но этот физический труд дарил странное удовлетворение. Теперь у её камина было топливо. Дом становился обитаемым.

Закончив с дровами и наскоро отмыв руки, Пальма поднялась на чердак. Настало время для того, ради чего она проделала весь этот путь. Она села за деревянный стол у скошенного окна, включила швейную машинку в сеть и нажала на педаль. Машинка отозвалась ровным, уверенным, сытым

урчанием. Этот звук мгновенно заземлил её. В городе швейная машинка была инструментом для бизнеса, дедлайнов и бесконечной гонки. Здесь она стала лекарством.

Пальма разложила на полу купленный накануне белый хлопок с узорами диких трав. Её пальцы с татуировками на фалангах уверенно орудовали портновскими ножницами. Ткань поддавалась легко, словно сама хотела стать частью этого дома. Пальма аккуратно подворачивала края, пуская ровную строчку. Она шила шторы без спешки, смакуя каждый стежок. Сквозь окно на ткань падал мягкий шотландский свет, подсвечивая вышитые травы, и Пальме казалось, что с каждым метром готового шва она сшивает вместе разорванные нити своего собственного внутреннего мира.

Когда обе портьеры были готовы, она поднялась на стремянку и закрепила их на карнизе в гостиной. Результат заставил её замереть. Белая, воздушная ткань полностью преобразила мрачную комнату. Тяжелая дубовая мебель больше не выглядела угрюмой — она стала благородной. Солнечный свет, проходя сквозь белые шторы, мягко рассеивался по вымытому полу, заполняя пространство чистотой и воздухом. Пальма сделала шаг назад, скрестила руки на груди и тихо выдохнула. Это была её первая дизайнерская победа здесь. Дом начал оживать.

В животе снова заурчало, а дедлайны по онлайн-проектам никто не отменял. Пальма захлопнула крышку ноутбука, убрала его в рюкзак и решила, что заслужила свой латте. Она

закрыла дверь на тяжелый ключ и отправилась по знакомой набережной в сторону кафе «Якорь и очаг».

В кафе «Якорь и очаг» в этот послеполуденный час было тихо. Туристические автобусы уже уехали на другую сторону острова, и за столиками сидели лишь пара местных рыбаков, тихо шуршащих утренними газетами.

Пальма привычно направилась к своему дальнему углу и опустила в подвесное кресло-качели. Кресло мягко качнулось, принимая её в свои объятия. Она достала ноутбук, но не успела даже открыть крышку, как к столику подошел Эш. В руках он нес поднос с уже знакомым набором: большой латте с идеальной пенкой и сэндвич с курицей.

— Вижу, ты становишься постоянным клиентом, — Эш приветливо улыбнулся, ставя чашку на стол. — Привет, Пальма. Как продвигается битва со старым домом?

— Привет, Эш. Спасибо за кофе, это буквально мое спасение, — Пальма сделала глоток и блаженно зажмурилась. — На самом деле, сегодня у меня день больших побед. Во-первых, приехали дрова от твоего лесничего. Я полутра таскала поленья, все руки в смоле, но поленница готова. Теперь я могу не бояться шотландской зимы. Ну, почти.

Эш негромко рассмеялся, облокотившись на соседний свободный стул. Было видно, что его забавляет и одновременно восхищает упорство этой яркой городской девушки.

— Магнус — надежный парень, дрова у него отличные, сухие. Зимой скажешь ему спасибо. А во-вторых? Что за вто-

рая победа?

— Во-вторых, я оживила свою швейную машинку, — Пальма оживилась, в её глазах зажглись профессиональные искорки. — Зашла в лавку на соседней улице и купила ткань. Хотела взять что-то привычное — черное, хаки или темно-зеленое. Я всегда ношу и шью такие вещи, это моя зона комфорта. Но в итоге... я купила белый фактурный хлопок с рисунком диких трав. Сшила из него портьеры в гостиную. Знаешь, Эш, я повесила их, и дом внутри просто изменился. Он стал светлым. Словно перестал на меня давить.

Эш внимательно выслушал её, не перебивая. На его лице появилось понимающее, очень теплое выражение.

— Белый лен с травами? — переспросил он, глядя в окно на залив. — Знаешь, прошлые хозяева этого дома, старики Маклауды, очень любили этот сад за домом. Там как раз росли дикие травы и вереск. Похоже, дом сам подсказал тебе, что ему нужно. И, если честно, я удивлен. Когда я увидел тебя в первый день — с этими дредами, татуировками и в боевом комбинезоне — я подумал, что ты перекрасишь всё внутри в черный цвет и устроишь там рок-клуб.

Пальма весело рассмеялась, откусывая сэндвич.

— Эй, я вообще-то дипломированный дизайнер интерьеров! Я умею работать с пространством. Но доля правды в твоих словах есть. Черный цвет — это моя броня. А тут... мне вдруг захотелось эту броню снять. Хотя бы внутри дома.

— Это хороший знак, — серьезно сказал Эш, кивнув.

— Остров умеет снимать с людей лишнюю шелуху. Главное — не сопротивляться. Кстати, раз уж ты занялась ремонтом всерьез: если соберешься красить стены, не вздумай покупать краску в портовом магазине. Она там ужасная, отсыреет за первую же неделю туманов. Через три дня к причалу придет грузовой паром из Глазго, я заказываю там материалы для освежения кухни в кафе. Могу вписать в бланк пару банок хорошей интерьерной краски для тебя. Какой цвет планируешь?

Пальма на секунду задумалась, качнувшись в кресле.

— Давай глубокий серый, цвета шотландских скал после дождя. И одну банку белой. Сколько с меня?

— Посчитаем, когда придет накладная, не переживай, — Эш оттолкнулся от стула, собираясь вернуться за стойку. — Работай спокойно. И... хорошая работа, Пальма. С дровами и шторами. Ты справляешься лучше, чем многие приезжие на моем веку.

— Спасибо, Эш. Это важно слышать.

Эш ушел за стойку, а Пальма повернулась к ноутбуку. На душе у неё впервые за долгие месяцы было спокойно и уютно. У неё появлялся первый настоящий друг, а её дом постепенно становился её крепостью.

Эш ушел за стойку, а Пальма повернулась к ноутбуку. Нажав на иконку рабочей программы, она словно перешагнула невидимую границу, возвращаясь в мир гляцевых поверхностей, идеальных пропорций и капризных городских заказов.

чиков.

Ей предстояло сдать финальный концепт огромной двухэтажной квартиры в центре столицы. Заказчики — молодая, успешная пара — требовали безупречный минимализм: стерильно-белые стены, скрытый свет, полированный бетон на полу и полное отсутствие «визуального мусора».

Еще месяц назад Пальма щелкала бы такие проекты как орешки. Но сейчас, глядя на трехмерную модель на экране, она почувствовала странное отчуждение. Этот интерьер казался ей безжизненным, похожим на операционную. Он был холодным.

Пальма принялась двигать курсором, внося последние правки в чертежи розеток и спецификации мебели. Пальцы летали по клавиатуре, пока она методично проверяла каждый сантиметр плана. Качели под ней едва заметно покачивались в такт её движениям. Вокруг тихо звякали чашки, Эш за стойкой негромко переговаривался с зашедшим на перерыв почтальоном, а за окном кричали чайки. Этот живой, хаотичный шум острова парадоксальным образом помогал ей сосредоточиться гораздо лучше, чем мертвая тишина её старого офиса.

Она поймала себя на мысли, что её собственный подход к дизайну прямо сейчас дает трещину. Раньше она стремилась к идеальной картинке. Теперь, отмыв старый дом собственными руками и сшив шторы, она поняла: настоящая красота кроется в несовершенстве, в истории вещей, в их фактуре.

Ей вдруг до смерти захотелось добавить в этот стерильный городской минимализм хотя бы одну деталь с душой — например, грубый деревянный стол, похожий на тот, что стоял в её шотландской кухне. Но заказчики этого бы не поняли. Им нужна была гляцевая иллюзия счастья, а не настоящее, осязаемое тепло.

Пальма вздохнула, зафиксировала последние изменения и нажала кнопку «Отправить заказчику». Экран моргнул, подтверждая отправку. Один из последних крупных контрактов, связывавших её с прошлой жизнью, был закрыт. На её счет в течение пары дней должны были поступить деньги, которые гарантировали ей еще пару месяцев спокойствия на острове.

Она закрыла крышку ноутбука и откинулась на спинку плетеного кресла. За окном сумерки густели, окрашивая шотландское небо в глубокий чернильный цвет. Силы иссякли, но это была приятная, рабочая усталость. Пальма посмотрела на пустую чашку из-под латте, поднялась и понесла её к стойке, чтобы попрощаться с Эшем. Она сделала свою работу, и теперь её ждал её собственный, пока еще несовершенный, но такой настоящий дом.

Пальма подошла к барной стойке и аккуратно поставила пустую чашку на деревянную поверхность. Эш в это время протирал бокалы белоснежным полотенцем.

— Ну что, спасла мир дизайна на сегодня? — спросил он, бросив взгляд на её собранный рюкзак.

— По крайней мере, сдала крупный проект, — Пальма

устало, но довольно улыбнулась. — Теперь можно выдохнуть. Правда, от этой умственной работы жутко хочется есть. Пойду домой испытывать судьбу.

— Испытывать судьбу? — Эш приподнял бровь.

— Я купила в лавке книгу традиционных шотландских рецептов, — призналась Пальма, потирая шею. — Дело в том, что в городе я питалась исключительно доставкой готовой еды. Я понятия не имею, как нормально готовить. Вот, думаю начать с чего-нибудь простого из этой книги. Например, запечь ту рыбу, что я купила.

Эш отложил полотенце и скрестил руки на груди, на его лице появилась добрая, немного покровительственная усмешка профессионального повара.

— О, шотландские рецепты для новичка — это экстремальный спорт. На какой странице ты открыла книгу?

— Честно? На первой попавшейся. Там было что-то про запекание рыбы в плотном тесте со специями.

— Так, закрой эту страницу и забудь, — решительно покачал головой Эш. — Переверни сразу на раздел с простыми похлебками или запеканием на углях. Запомни главное правило нашего острова, Пальма: здесь лучшая еда — это самая простая еда. Наша рыба сегодня утром еще плавала в море, её не нужно мучить сложными соусами и кулинарными изысками.

— И что мне с ней делать? — Пальма растерянно моргнула.

— Возьми крупную соль, немного дикого тимьяна — он растёт прямо у тебя за домом у поленницы, просто сорви пару веточек. Смажь рыбу фермерским маслом, закинь внутрь лимон, если купила, и заверни в обычный пергамент. Запекай в духовке ровно двадцать минут. Всё. Рыба должна пахнуть морем и дымком, а не кулинарным справочником Глазго. Поняла?

Пальма улыбнулась и мысленно зафиксировала этот простой алгоритм.

— Соль, тимьян у поленницы, масло и пергамент. Звучит как план, который я хотя бы не провалю. Спасибо, шеф.

— Обращайся, — Эш подмигнул ей. — И не забудь: если спалишь кухню, краску для стен везти будет некуда. Так что поаккуратнее там с огнем.

— Я постараюсь! До встречи, Эш.

Пальма накинула рюкзак на плечо, толкнула дверь кафе и вышла в прохладные шотландские сумерки. Над набережной зажигались первые редкие фонари, а в воздухе отчетливо пахло солью и приближающимся ужином. Она шла к своему дому, чувствуя, что этот вечер будет по-настоящему теплым.

Утро выдалось на удивление тихим и безветренным. Пальма проснулась рано и, прихватив чашку быстрорастворимого кофе (с этим городским пережитком она пока не была готова расстаться), вышла на задний двор.

За домом прятался небольшой, заросший высокой травой сад. Когда-то здесь явно кипела жизнь: Пальма обнаружила остатки старых деревянных грядок, которые теперь сиротливо утопали в диком вереске и сорняках. Она опустилась на корточки, раздвигая пальцами сочную зелень. Прямо у полуразвалившейся поленницы действительно рос густой куст дикого тимьяна — он источал резкий, пряный, ни на что не похожий аромат.

Пальма прикусила губу, прикидывая фронт работ. Ей, городскому дизайнеру, никогда не приходилось копать в земле, но идея вырастить собственную петрушку, розмарин или салат внезапно показалась ей чертовски заманчивой. Это было еще одной нитью, связывающей её с этим островом.

Размышления прервал вежливый стук в калитку. Пальма обернулась и удивленно моргнула. На дорожке стоял Эш. Сегодня на нем не было привычного фартука — только простой серый свитер крупной вязки и потертые джинсы. В руках он держал объемистую плетеную корзину, из которой аппетитно торчал хвост свежей рыбы и пучки какой-то зелени.

— Привет, — Эш улыбнулся, кивнув на её испачканные в земле руки. — Вижу, ты уже грабишь местную флору.

— Эш? — Пальма поднялась, отряхивая ладони. — А как же кафе? Разве ты не должен быть за стойкой?

— У меня выходной, — Эш прошел в сад, оглядываясь по сторонам. — Понедельник — самый тихий день на ост-

рове. Я оставил за главного своего бармена, юного Лиама, так что кофейный апокалипсис острову не грозит. А я решил проверить, как поживает мой самый неординарный клиент. И, судя по твоей рыбе в холодильнике, которую ты наверняка собиралась замучить сложным рецептом, мне пришлось прийти на помощь.

Пальма весело рассмеялась, провожая его в дом.

— Ладно, шеф, сдаюсь. Твоя правда, я понятия не имела, с какого боку к ней подойти.

На кухне Эш устроился как дома, но при этом действовал очень деликатно, уважая пространство Пальмы. Он выложил из корзины на дубовый стол крупную зеркальную форель, кусок домашнего сливочного масла, завернутый в пергамент, и несколько спелых лимонов. Его взгляд скользнул по открытой книге рецептов, и он одобрительно хмыкнул, заметив, что Пальма положила её на самое видное место.

— Ну что, дизайнер, учиться готовить гораздо проще, чем проектировать пентхаусы, — Эш закатал рукава свитера. — Включай свою капризную плиту. Сегодня мы будем делать самую правильную островную еду. Никакой суеты, только чистый вкус.

Он вручил Пальме нож и показал, как правильно сделать глубокие надрезы на боках рыбы. Пока Пальма, сосредоточенно прикусив язык и поправляя упавшую дреду, втирала в серебристую чешую крупную морскую соль, Эш нарезал лимон толстыми кольцами.

— Знаешь, — Эш аккуратно вложил веточки тимьяна, которые Пальма сорвала на улице, внутрь рыбы, — этот дом очень долго пустовал. Старики Маклауды ушли один за другим пять лет назад. Их дети уехали в Эдинбург, им этот глухой угол не нужен. Мы все боялись, что дом выкупит какой-нибудь богач под дачу, придет, перестроит всё в бездушный бетон и стекло. А потом появилась ты. С этими твоими волосами, татуировками... и белыми шторами.

Пальма замерла с пачкой соли в руках, внимательно глядя на него.

— И что местные? Думают, я сумасшедшая?

— Первые два дня — возможно, — Эш открыто улыбнулся. — Но когда Магнус привез тебе дрова и рассказал, как ты сама, без единой жалобы, перетаскала всю поленницу... Остров тебя принял, Пальма. Здесь ценят две вещи: честность и трудолюбие. А твоя внешность — это просто яркая обертка. К ней уже все привыкли.

Они завернули форель в плотный пергамент, и Пальма аккуратно отправила её в разогретую духовку. По кухне мгновенно поплыл умопомрачительный аромат запекающейся рыбы, лимона и горячего сливочного масла, смешанный с тонкими нотками дикого тимьяна. Это был запах настоящего, живого дома.

Пока рыба в духовке медленно исходила соком, наполняя кухню умопомрачительным ароматом, Эш и Пальма вышли на крыльцо заднего двора. Эш присел на деревянную сту-

пеньку, протянул ноги и посмотрел на заросший сад.

— Знаешь, я ведь тоже когда-то сбежал отсюда, — тихо начал он, глядя куда-то сквозь вересковые заросли. — В двадцать лет мне казалось, что этот остров — тюрьма. Хотелось масштаба, огня, шума. Я уехал в Глазго, выучился на повара, работал в довольно престижном ресторане. Была сумасшедшая гонка, шеф орал на кухне, мы отдавали по сто сложных блюд за вечер. У меня была невеста, городская, амбициозная девочка. Мы даже купили квартиру в кредит.

Пальма прислонилась спиной к дверному косяку, внимательно слушая. Её дреды тихо шуршали от легкого морского ветра.

— И что случилось? — негромко спросила она.

— Случился инфаркт у отца, — Эш грустно усмехнулся. — Мама одна не справлялась с кафе, это ведь дело всей их жизни. Я приехал на неделю помочь... и понял, что в Глазго я не вернусь. Посмотрел на этот залив, на чаек, на то, как люди здесь никуда не спешат, и у меня словно глаза открылись. Моя невеста этого не поняла. Сказала, что я хороню свой талант в глуши, и ушла. Квартиру мы продали, кредит закрыли. Я остался.

Эш помолчал, подбирая слова.

— Родителей уже нет, а я так и живу на втором этаже над кафе. Там уютно, окна выходят прямо на порт. Одному бывает одиноко, скрывать не буду. Но это правильное одиночество, Пальма. Честное. Я сам себе хозяин. Готовлю для лю-

дей, которых знаю с детства, пью эль по пятницам с рыбаками. Остров забирает амбиции, но дает взамен покой.

Таймер на плите звонко затрещал, прерывая его рассказ. Двадцать минут пролетели незаметно.

Они вернулись на кухню. Эш бережно достал из духовки дымящийся сверток. Когда Пальма разрезала пергамент ножницами, в лицо им ударил густой, пряный пар. Форель идеально пропеклась, её нежное розовое мясо легко отделялось от костей, а корочка из крупной соли и тимьяна выглядела потрясающе.

Вместо душевной гостиниой они решили накрыть стол прямо в саду, на старых деревянных козлах, которые Пальма отмыла накануне. Она вынесла ту самую плетеную салфетку под горячее, глиняный подсвечник, две фарфоровые тарелки Маклаудов и свежий фермерский хлеб.

Они сидели посреди дикого вереска, солнце мягко припекало плечи, а над головой с криками пролетали чайки. Еда была невероятно вкусной — сочная рыба, пропитавшаяся лимонным соком и ароматом свежего тимьяна, идеально сочеталась с хрустящей корочкой хлеба и домашним маслом. Пальма ела и чувствовала, как тепло разливается по телу, прогоняя остатки ночного кошмара.

Эш поднял свой бокал с простой водой и посмотрел на неё с теплой улыбкой:

— За твой новый дом, Пальма. И за то, чтобы белые што-

ры всегда пропускали сюда только свет.

— За этот остров, Эш, — тихо ответила она, чокаясь с ним стаканом. — Кажется, он действительно меня ждал.

Они сидели в тишине, наслаждаясь едой и шумом прилива, и Пальма впервые за долгое время поймала себя на мысли, что ей больше не хочется никуда бежать.

После того как с рыбой было покончено, а пустые тарелки послушно заняли свое место в корзине, Эш кивнул в сторону дома, где на кухонном столе остался лежать закрытый ноутбук Пальмы.

— Слушай, раз уж мы здесь, — Эш хитро прищурился, отпивая воду. — Ты так вкусно рассказывала про то, что ты дипломированный дизайнер. Покажешь, что ты там проектируешь для своих городских богачей? Мне правда интересно. Мое кафе застряло в девяностых, может, свежий взгляд профессионала откроет мне глаза.

Пальма улыбнулась, польщенная его искренним интересом.

— Ну пойдем, шеф. Посмотрим на сухой минимализм мегаполиса.

Они вернулись в прохладу кухни. Пальма открыла ноутбук, за пару кликов запустила программу визуализации и развернула экран к Эшу. На мониторе появилась та самая двухэтажная квартира: безупречно прямые линии, монохромная палитра, глянцевый наливной пол и полное отсут-

ствие мелких деталей. Каждая вещь была спрятана в невидимые шкафы.

Эш наклонился ближе, всматриваясь в картинку. Его лицо вытянулось от удивления, а потом на нем отразилось легкое недоумение.

— Это... красиво, — осторожно произнес он, подбирая слова. — Очень чисто. Но, если честно, Пальма, это похоже на космический корабль или на очень дорогую стоматологическую клинику. Где здесь жить? Куда поставить чашку с недопитым чаем, чтобы не испортить этот идеальный пол?

Пальма не выдержала и громко рассмеялась, соглашаясь с его вердиктом.

— Вот! Я думала точно так же, пока доделывала этот проект. Городу нужна стерильность, Эш. Люди там так устают от визуального шума и рекламы, что хотят возвращаться в пустые коробки. Но ты прав. Души в этом мало.

Она потянулась к трекпаду, чтобы закрыть программу, но её палец случайно соскользнул. Окно свернулось, и на рабочем столе открылась та самая папка в углу, подписанная просто: «Моё». Экран запестрел эскизами одежды.

Эш мгновенно зацепился взглядом за яркие пятна.

— Ого. А это что? Тоже дизайн интерьеров?

— Нет, это... это личное, — Пальма слегка смутилась и попыталась закрыть вкладку, но Эш мягко, но решительно

перехватил её руку за запястье. Его пальцы были теплыми и мозолистыми.

— Подожди, не закрывай. Дай взглянуть.

Пальма отпустила руку, позволяя ему рассмотреть экран. На эскизах были наброски пальто сложного кроя, объемных комбинезонов и курток. Цвета кричали и заявляли о себе: глубокий черный соседствовал с агрессивным красным, хаки переплетался с белоснежным льном. В этих вещах была дикая, первобытная энергия, абсолютно непохожая на ту стерильную квартиру, которую она показывала минуту назад.

Эш долго молчал, переводя взгляд с экрана на саму Пальму — на её дреды, на проколотую бровь и на комбинезон, в котором она сейчас стояла перед ним.

— Так вот ты какая на самом деле, — негромко и очень серьезно сказал он. — Этот минимализм для клиентов — просто ремесло, которым ты зарабатываешь на жизнь. А вот это, — он ткнул пальцем в эскиз асимметричного красного пальто, — это твоя душа. Твоя настоящая сила. Почему ты прячешь это в скрытых папках?

Пальма опустила глаза, разглядывая татуировки на своих пальцах. Вопрос Эша попал в самую цель, беря еще не затянувшуюся рану.

— В городе мне сказали, что это неформальный неликвид, — тихо ответила она, и в её голосе прорезалась застарелая обида. — Мои бывшие друзья, которые открыли свой бренд, называли эти эскизы «слишком странными» и «непро-

даваемыми». Сказали, что сейчас в тренде оверсайз-беж и простота. А когда... когда случилась авария с родителями, мне стало просто не до бунта. Я заперла эту папку и решила, что швейная машинка мне нужна только чтобы подшивать брюки.

Эш выпрямился, суровое шотландское лицо его стало жестким, а в глазах блеснула злость за неё.

— Твои городские друзья — полные дураки, Пальма, — отрезал он без тени сомнения. — Островной твид и шерсть грубые, но они настоящие. И твои вещи — они тоже настоящие. В них есть характер. Пообещай мне кое-что.

Пальма удивленно подняла на него глаза.

— Что?

— Ты купила швейную машинку не для того, чтобы подшивать брюки. Ты сшила белые шторы, и дом ожил. Теперь сшей что-нибудь из этой папки. Для себя. Позволь себе снова быть странной. Здесь тебя за это никто не осудит.

Пальма смотрела на Эша и чувствовала, как к горлу подступает теплый ком. Этот сорокапятилетний шотландец, которого она знала всего несколько дней, за секунду разбил стену её неуверенности, которую город возводил месяцами.

— Ладно, — Пальма выдавила улыбку, сглатывая слезы. — Я подумаю над этим, шеф.

— Вот и отлично, — Эш снова стал прежним добродушным хозяином кафе. Он собрал свою корзину и направился

к выходу. — Спасибо за обед, Пальма. Рыба удалась. Жди паром через два дня, краска будет вовремя. И не вздумай удалять эту папку.

Когда дверь за ним закрылась, Пальма еще долго стояла у стола, глядя на экран ноутбука, где на эскизе развивалось смелое, свободное красное пальто. Остров продолжал снимать с неё защитные слои, и, кажется, ей это наконец-то нравилось.

Когда Эш ушел, Пальма еще долго сидела в тишине, глядя на экран ноутбука. Затем она решительно захлопнула крышку, словно ставя точку в затянувшемся споре с самой собой, и подошла к раковине. Ей нужно было занять руки, чтобы унять внезапно поднявшуюся внутри бурю.

Она включила воду, намылила губку и принялась ожесточенно тереть фарфоровые тарелки Маклаудов. Горячая пена текла по её татуированным пальцам, а мерный шум воды постепенно уносил её мысли назад, в тот самый душный вечер в мегаполисе. Это воспоминание, потревоженное словами Эша, теперь требовало, чтобы его прожили до конца.

Это было за пару месяцев до аварии. Пальма тогда еще горела идеями, верила в команду и считала своих коллег по модному цеху лучшими друзьями. Они собрались в стильном лофте Макса — главного идеолога их общего на тот момент бренда одежды. Вокруг стояли бокалы с дорогим вином, на фоне играл лаунж, а на вешалках висели образцы их новой коммерческой коллекции: одинаковые бежевые ху-

ди, серые джоггеры и минималистичные оверсайз-футболки. Все то, что гарантированно приносило быструю прибыль.

Пальма, поддавшись общему творческому порыву, достала свой планшет.

— Ребят, я тут разработала линейку верхней одежды, — с замиранием сердца сказала она, разворачивая экран к Макс и Кристине, их ведущему маркетологу. — Это асимметричные пальто из плотной шерсти, сложные комбинезоны со вставками хаки и черного денима. Здесь есть характер, манифест. Наш бренд должен заявлять о себе!

Макс взял планшет, лениво пролистал эскизы, и на его лице появилась снисходительная, почти жалостливая улыбка. Он переглянулся с Кристиной, и та негромко, фальшиво рассмеялась.

— Пальм, ну ты чего, серьезно? — Макс вернул ей гаджет, отпивая вино. — Это какой-то неформальный неликвид. Кто это купит? Подростки-готы? Мы строим серьезный бизнес для городских интеллектуалов, им нужен базовый комфорт, а не этот твой бунт с дредами и проколотой бровью.

— Но в этом же есть индивидуальность! — попыталась защититься Пальма, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Индивидуальность не платит по счетам, дорогая, — отрезала Кристина, даже не взглянув на рисунки. — Это слишком странно и абсолютно непродávаемое. Спустись на землю. Шей то, что говорят, или оставляй свои безумные идеи для домашних посиделок у зеркала. Твои концепты — это

прошлый век.

Тогда Пальма проглотила эту обиду. Она заперла папку «Моё» на самый дальний пароль, убедив себя, что друзья правы, а она просто не умеет мыслить масштабно. А когда через месяц родители погибли, эти же «друзья» прислали ей дежурные букеты, пару раз спросили в мессенджере «Как ты?», а через неделю просто исключили её из общего рабочего чата, найдя на её место более «послушного и коммерческого» дизайнера. Им не нужен был человек в глубоком трауре, который не мог выдавать поток бежевых худи.

Пальма вздрогнула, возвращаясь в реальность. Тарелка в её руках была вымыта до зеркального блеска. Вода продолжала течь, смывая пену.

Она выключила кран, вытерла руки полотенцем и посмотрела в окно на темнеющий шотландский залив. Сейчас, находясь за тысячи километров от того лофта, она впервые смогла провести холодный и трезвый анализ того разговора.

Она поняла главную вещь: её «друзья» никогда не были художниками. Они были коммерсантами, торгующими безликой иллюзией комфорта. Их насмешки были вызваны не тем, что её эскизы были плохи, а тем, что её творчество пугало их своей сложностью и честностью. Они пытались подогнать её под свой удобный шаблон, а когда она сломалась от горя, просто выбросили её за ненужностью, как отработанный материал.

Пальма коснулась сережки в брови и впервые почувство-

вала не стыд или боль, а глухую, правильную злость. Эш, обычный шотландский повар, за двадцать минут разглядел в этих рисунках то, что её «близкие» люди топтали годами.

«Они хотели, чтобы я была серой и предсказуемой, — подумала Пальма, возвращаясь к ноутбуку. — Но этот дом не будет серым. И я больше не буду прятаться».

Она открыла папку «Моё», вывела на весь экран эскиз того самого асимметричного красного пальто и твердо произнесла вслух:

— Я сошью его. И это будет лучшее, что я когда-либо делала.

Среда началась с густого, как парное молоко, шотландского тумана. Остров словно укрыли тяжелым серым пледом: набережная исчезла, и лишь глухой, раскатистый гудок, пришедший со стороны моря, возвестил о том, что грузовой паром из Глазго прибыл строго по расписанию.

Пальма, накинув поверх рабочего комбинезона плотную куртку, поспешила к причалу. Ей не терпелось забрать краску, которую обещал привезти Эш. На пирсе уже вовсю кипела жизнь. Местные рыбаки и лавочники забирали коробки с товарами, а из чрева огромного железного судна с грохотом выезжали редкие машины.

Она увидела Эша у самого края рампы — он о чем-то весело спорил с молодым мужчиной, который опирался на

борт судна. На незнакомце были тяжелые рабочие ботинки, серые джинсы и потертая кожаная куртка, из-под которой виднелся воротник темного свитера. У него были взъерошенные ветром темно-русые волосы и легкая щетина, а в уголках глаз светились смешинки.

— О, а вот и хозяйка скалистого замка! — крикнул Эш, заметив Пальму, и помахал ей рукой.

Мужчина обернулся, и его взгляд мгновенно зацепился за Пальму. Он открыто, с неподдельным интересом принялся разглядывать её: от ярких цветных лоскутов на комбинезоне до дредов и серебряной искорки в проколотой брови. В его глазах не было шотландской настороженности или осуждения — только искреннее, теплое восхищение, от которого Пальма, вопреки своей обычной городской броне, вдруг почувствовала, как к щекам прилил жар.

— Пальма, знакомься, это Калум, — представил его Эш, когда она подошла ближе. — Калум рулит этим железным корытом и возит нам блага цивилизации. Калум, это Пальма, наш новый дизайнер. Она выкупила дом Маклаудов и пытается не спалить его во время готовки.

— Привет, Пальма, — Калум сделал шаг вперед и протянул ей широкую, мозолистую ладонь. У него был мягкий, глубокий голос с легким городским акцентом Глазго. — Приятно познакомиться. Эш мне уже все уши прожужжал про отважную девушку, которая в одиночку таскает поленья Магнуса. Но он забыл сказать, что эта девушка выглядит так,

словно сошла с обложки журнала об искусстве.

Пальма пожала его руку — его ладонь была горячей и надежной. Она слегка улыбнулась, поправляя упавшую на лицо прядь:

— Привет, Калум. Эш преувеличивает. Насчет поленницы — правда, а вот насчет пожара на кухне — рыба вчера получилась идеальной.

— Я в этом и не сомневался, — Калум подмигнул ей, и его взгляд на секунду задержался на её губах, прежде чем он повернулся к грузовой платформе. — Так, ваши три банки краски. Две серые, одна белая. Я лично следил, чтобы их не растрясло по дороге через пролив. Куда доставить, Пальма? Они тяжелые, ты не донесешь.

— Я могу помочь... — начал было Эш, но Калум решительно перебил его, подхватив две массивные банки за ручки:

— У тебя, Эш, полный грузовик коробок для кафе. Занимайся. А я занесу краску Пальме. Заодно посмотрю на те самые белые шторы, о которых ты говорил. Если, конечно, хозяйка не против?

Калум посмотрел на Пальму, ожидая её ответа, и в его глазах плясали дерзкие, зовущие искорки.

Дорога от причала до дома Пальмы шла в гору, и Калум уверенно шагал рядом, неся по тяжелой банке краски в каж-

дой руке. Пальма забрала меньшую, белую, и шла чуть сбоку, незаметно разглядывая своего спутника. По её дизайнерской привычке она раскладывала образ любого человека на детали, фактуры и линии.

Калум не был похож на суровых местных рыбаков, чьи лица шотландские ветра превращали в подобие дубовой коры. Но он не был и рафинированным городским пижоном, каких Пальма пачками видела в мегаполисе. В его движениях чувствовалась спокойная, рабочая сила человека, который привык управлять огромным судном и швартовать его в шторм. Его кожаная куртка была потерта на локтях, а на запястье виднелись тяжелые стальные часы со следами мелких царапин — надежный рабочий инструмент, а не элемент статуса. От него пахло мокрым металлом, соляжкой и хорошим табаком.

— Эш сказал, ты из Глазго? — нарушила молчание Пальма, придерживая банку. — Тяжело, наверное, каждые несколько дней мотаться между городом и этим затерянным миром?

— Наоборот, это меня и спасает, — Калум повернул голову, и туман вокруг них на секунду словно стал чуть светлее от его открытой улыбки. — В Глазго у меня небольшая квартира, шумные улицы и вечная суeta. А паром — это мой баланс. Три дня в неделю я провожу в движении, созерцая воду, привожу островным ребятам всё, от муки до твоей краски, а потом возвращаюсь в цивилизацию. Лучшая работа в

мире, если честно. Не успеваешь устать ни от одиночества, ни от толпы.

Пальма внутренне кивнула. Его философия была ей понятна и даже близка. Он нашел свой способ справляться с давлением мира, в то время как она просто дождалась, пока её внутренний котел взорвется, и сбежала без оглядки.

— Пришли, — Пальма остановилась у деревянной калитки и толкнула её ногой.

Калум занес банки на крыльцо, аккуратно поставил их у дубовой двери и выпрямился, переводя дыхание. Его взгляд скользнул по фасаду дома, задержался на окне гостиной, где сквозь стекла мягко просвечивал белый хлопок с узорами трав, а затем поднялся к скошенной крыше чердака.

— Знаешь, а Маклауды были бы рады, — тихо сказал он, и его голос потерял прежнюю шутивную интонацию, став очень уважительным. — Дом выглядит... живым. Из него ушла та гнетущая серость, которая стояла здесь последние годы. Хорошее начало, Пальма.

Флирта не было. Был лишь спокойный, взрослый взгляд человека, который оценил её труд и проявил искреннее уважение к её границам. И Пальме это чертовски понравилось. В её прошлой жизни мужчины часто пытались казаться сложнее, циничнее или ярче, чем они есть на самом деле. Калум же был простым и понятным, как шотландский гранит.

— Спасибо, Калум. И за краску, и за доставку, — Паль-

ма открыла дверь, давая понять, что ей пора приниматься за работу.

— Не за что. Мой паром уходит завтра вечером, так что если до этого времени поймешь, что серый цвет слишком темный — заходи на причал, я поищу на складе судна что-нибудь посветлее, — он приветливо коснулся пальцами козырька своей кепки. — Удачного ремонта, Пальма.

Он развернулся и пошел вниз по тропинке, легко и свободно сбегая к набережной. Пальма проводила его взглядом, пока его серая куртка не растворилась в тумане, а затем занесла банки в дом. Впереди её ждал долгий день, кисти и первый слой серой краски на стенах.

Пальма решила изменить первоначальный план. Гостиная могла подождать — сейчас ей было жизненно необходимо преобразить свое самое личное, сокровенное пространство. Спальню на чердаке. Место, где она оставалась один на один со своими снами, мыслями и ночными кошмарами. Ей хотелось, чтобы именно эта комната первой засияла новыми красками и превратилась в её персональный безопасный кокон.

Она поднялась на чердак, вооружившись валиками, кистями и тяжелой банкой глубокой серой краски, которую принес Калум. Первым делом она тщательно закрыла пленкой матрас и свой швейный уголок у окна, а затем с трудом открыла крышку банки. Краска оказалась идеальной консистенции — плотная, благородного оттенка шотландских скал

после штормового дождя. Эш был прав: паромное качество не шло ни в какое сравнение с местной дешевой лавкой.

Пальма включила в наушниках ритмичную музыку, закатала рукава комбинезона и сделала первый мазок валиком по стене.

Работа на скошенных стенах чердака требовала предельной концентрации. Пальма методично двигалась снизу вверх, перекрывая блеклые старые обои густым, стильным монохромом. С каждым движением руки комната словно сжималась, становясь невероятно уютной, камерной и защищенной. Этот серый цвет не давил — он обнимал, как плотный шерстяной плед. В сочетании с белоснежным потолком под самой крышей и видом на туманную набережную спальня мгновенно превращалась в картинку из дорогих журналов по дизайну, но со своей, уникальной островной душой.

Закончив красить стены и бросив усталый, но восхищенный взгляд на результат своего пятичасового труда, Пальма широко распахнула чердачное окно. Запах свежей краски был слишком резким, комнате нужно было как следует выветриться до вечера.

Она наскоро отмыла руки от серых капель, переоделась в чистую белую футболку, подхватила рюкзак с ноутбуком и побежала вниз. Оставлять дом закрытым с открытым окном на острове было совсем не страшно — здесь никто никогда не запирает двери от соседей.

Через пятнадцать минут Пальма уже толкала знакомую

деревянную дверь кафе «Якорь и очаг». Густой туман наконец-то начал рассеиваться, уступая место робким лучам полуполуденного солнца.

Внутри было шумно: паром привез не только товары, но и новых посетителей. За стойкой вовсю крутился юный бармен Лиам, ловко разливая кофе и эль, а сам Эш контролировал процесс с кухни. Пальма облегченно выдохнула, заметив, что её любимое плетеное кресло-качель у дальнего окна свободно. Она устроилась в мягком коконе, открыла ноутбук и подключилась к сети. На сегодня у неё оставалось несколько мелких онлайн-задач по подбору текстиля для клиентов, но мысли Пальмы то и дело уносились обратно на её обновленный, пахнущий свежестью и переменами чердак.

Пальма сосредоточенно щелкала мышкой, выстраивая палитру тканей для очередного коммерческого заказа, когда над её ухом раздался знакомый, приглушенный голос:

— Похоже, кто-то сегодня ударно потрудился. От тебя до сих пор едва уловимо пахнет интерьерным грунтом.

Она подняла голову и улыбнулась. Эш стоял рядом, держа в руках поднос. На этот раз вместо привычного сэндвича он принес ей тарелку горячего домашнего супа и чашку ароматного чая с травами.

— На чердаке теперь официально филиал скандинавского уюта, — Пальма отодвинула ноутбук, освобождая место. — Серый цвет просто потрясающий, Эш. Глубокий, матовый. Спасибо, что помог заказать. Спальня полностью преобра-

зилась, теперь жду, пока выветрится.

— Рад, что краска подошла, — Эш присел на край соседнего стула, вытирая руки полотенцем. Он помолчал секунду, внимательно вглядываясь в её лицо, а затем заговорил чуть тише, сменив рабочий тон на теплый, по-отцовски заботливый: — Кстати, насчет доставки... Калум обычно не вызывается волонтером таскать тяжелые банки по холмам. Он парень добрый, но бережет спину для швартовки.

Пальма замерла с ложкой в руке, почувствовав, как внутри шевельнулось легкое смущение.

— Он просто помог донести. Сказал, что ему по пути, — попыталась отмахнуться она.

— Ага, конечно, — Эш по-доброму усмехнулся, покачав головой. — Пальма, я знаю Калума пять лет. Он городской, как и ты. И он тоже пережил здесь свою личную перезагрузку после того, как Глазго едва не переехал его асфальтовым катком. Я видел, как он на тебя смотрел у причала. Ты ему небезразлична, это точно. И, если честно, я думаю, что вы двое могли бы найти много общего, если бы просто дали друг другу шанс. Вам обоим нужно тепло, даже если вы оба притворяетесь нерушимыми скалами.

Пальма опустила глаза, растерянно помешивая суп. Городские раны еще слишком сильно саднили, и мысль о каких-либо отношениях пугала её до дрожи. Она приехала сюда чинить дом, а не строить любовь.

— Эш, я не думаю, что сейчас подходящее время... — ти-

хо начала она.

— А подходящего времени никогда не бывает, — мягко перебил её Эш. Он не стал давить, лишь понимающе улыбнулся и как бы невзначай перевел взгляд в сторону барной стойки, сделав легкое движение глазами. — Впрочем, я ни на чем не настаиваю. Просто делюсь наблюдениями старожил. К слову, его паром задержится до утра из-за тумана в проливе.

Пальма не удержалась и проследила за его взглядом. Там, в дальнем конце стойки, спиной к ним сидел Калум. Он уже сменил рабочую куртку на уютный темный свитер, перед ним стояла тарелка с ужином и бокал темного эля. Он о чем-то тихо разговаривал с барменом Лиамом, но в какой-то момент, словно почувствовав на себе взгляд, обернулся.

Его глаза встретились с глазами Пальмы. Калум не стал смущенно отворачиваться — он тепло и открыто улыбнулся ей через весь зал и слегка приподнял свой бокал, безмолвно приветствуя.

Пальма почувствовала, как сердце пропустило удар, но на этот раз это был не страх. Это было робкое, почти забытое чувство предвкушения чего-то хорошего. Она коротко кивнула ему в ответ и снова повернулась к своей тарелке, понимая, что этот остров готовит для неё куда больше открытий, чем просто отремонтированные стены.

Пальма вернулась к супу, но мысли её были уже далеко от чертежей и спецификаций тканей. Слова Эша эхом отзывав-

лись в голове. *«Вам обоим нужно тепло»*. Это звучало так просто и одновременно так несбыточно.

Эш тем временем поднялся, дружески похлопал её по плечу и направился к кухне, оставив Пальму наедине с её размышлениями и мерным покачиванием качели. Ей казалось, что каждый на острове видит её насквозь, несмотря на все её попытки отгородиться от мира яркими шмотками и колючим взглядом.

Она поймала себя на том, что то и дело бросает короткие взгляды в сторону барной стойки. Калум уже доел свой ужин. Он сидел, расслабленно откинувшись на высоком стуле, и вертел в пальцах тяжелый стакан. В его фигуре не было той суетливой готовности понравиться, которая так раздражала Пальму в городских ухажёрах. Он просто был здесь — частью этого вечера, этого тумана и этого острова.

В какой-то момент Калум пересчитал мелочь, оставил её на стойке, поднялся и, подхватив свою куртку, направился к выходу. Пальма почувствовала странный укол разочарования. «Ну вот и всё, — подумала она, — ушел».

Но Калум, вместо того чтобы толкнуть входную дверь, свернул вглубь зала и остановился прямо у её столика.

— Не помешаю? — спросил он, кивнув на свободный стул. — Эш сказал, ты сегодня превратила чердак в шедевр архитектурной мысли. Пришел выразить почтение.

— Садись, — Пальма закрыла крышку ноутбука, понимая, что работать сегодня больше не сможет. — Шедевр —

громкое слово. Скорее, я просто избавилась от духа столетней сырости с помощью твоей краски. Она действительно легла идеально.

Калум сел, вытянув длинные ноги, и внимательно посмотрел на неё. Вблизи его глаза казались еще темнее, вокруг них пролегали тонкие морщинки — следствие привычки подолгу всматриваться в морской горизонт.

— Рад, что пригодилась. Эш — отличный парень, но иногда он слишком драматизирует, — Калум улыбнулся, и эта улыбка мгновенно стерла остатки неловкости между ними. — Он уже успел рассказать тебе мою биографию? Заявил, что я тоже «раненый городом» беглец?

Пальма невольно улыбнулась в ответ, пораженная его прямоотой:

— Ну... в общих чертах. Сказал, что Глазго едва не переехал тебя асфальтовым катком. Это правда?

Калум на секунду посерьезнел, его пальцы прошлись по шву кожаной куртки.

— Почти. У меня была своя фирма по логистике. Су сумасшедшие обороты, круглосуточные звонки, партнеры, которые караулили тебя с ножом за спиной, и полная иллюзия того, что я управляю миром. А потом в один день партнер просто вывел все деньги со счетов и улетел в неизвестном направлении. Оставив меня с миллионными долгами перед

поставщиками и кучей судебных исков.

Он рассказал это удивительно спокойно, без надрыва и злости. Как констатацию факта.

— И что ты сделал? — тихо спросила Пальма. Ей эта история до боли напоминала её собственный крах, пусть и случившийся по другим причинам.

— Продал всё, что у меня было, до последнего цента. Рассчитался с людьми. А потом приехал на этот причал, сел на паром и три дня просто смотрел на воду. На четвертый день капитан спросил, умею ли я держать штурвал. Оказалось — умею. Теперь я вожу этот паром. Мой бывший компаньон сейчас, наверное, пьет коктейли на теплых островах и вздрагивает от каждого шороха. А я сплю спокойно под стук шотландского дождя.

Калум помолчал, а затем мягко перевел взгляд на Пальму.

— Эш прав в одном, Пальма. Город заставляет нас думать, что мы должны быть идеальными, успешными и быстрыми. А здесь ты понимаешь, что достаточно быть просто живым. И честным.

Пальма смотрела на него и чувствовала, как внутри неё, словно лед под весенним солнцем, начинает таять та самая городская броня. Этот парень не пытался её впечатлить. Он просто делился своей историей, потому что видел — она поймет.

— Мои друзья отвернулись от меня, когда погибли мои

родители, — вдруг, сама от себя не ожидая, произнесла Пальма. Собственный голос показался ей чужим в тишине кафе. — Я думала, что мы делаем общее дело, что мы близки. А оказалось, что им был нужен только мой ресурс. Когда я выгорела и сломалась, меня просто заменили. Как деталь в механизме.

Калум выслушал её, не перебивая и не пытаясь вставить банальные слова сочувствия. Он лишь крепче сжал пальцы на столе, и в его взгляде появилось столько понимания, сколько Пальма не видела за весь последний год от всех своих городских знакомых, вместе взятых.

— Они не тебя заменили, Пальма, — негромко сказал он. — Они заменили функцию. А ты — это не твоя функция. Ты — это ты. С твоими белыми шторами, твоими дредами и твоим домом, который ты чинишь. И, поверь мне, этот дом станет чертовски хорош, потому что ты вкладываешь в него себя, а не корпоративные стандарты.

За окнами кафе окончательно стемнело. Туман за стеклом сгустился, превращая уличные фонари в размытые золотистые пятна. В зале осталось совсем мало людей, Лиам за стойкой уже начал тихо протирать бокалы, готовясь к закрытию.

Калум поднялся со стула и накинул куртку.

— Мой паром уйдет завтра в полдень, туман вроде рассеивается. Если захочешь прогуляться до причала перед от-

плытием — я буду рад. Если нет — я привезу следующую партию краски через четыре дня. Подумай, какой цвет тебе нужен для кухни.

Пальма подняла на него глаза, чувствуя, как внутри неё зарождается новое, удивительно приятное тепло.

— Спасибо за разговор, Калум. Я подумаю над цветом. И... возможно, я приду на причал.

— Буду ждать, — он улыбнулся, коротко коснулся её плеча на прощание — это прикосновение было легким, но оставило на коже ощущение тепла — и вышел в прохладную шотландскую ночь.

Пальма сидела в кресле-качели, смотря на закрывшуюся за Калумом дверь, сквозь которую все еще пробивался блеклый свет уличного фонаря. Внутри неё все кричало о том, что нужно остаться на месте. Городская привычка держать дистанцию, защищать свои шрамы и не впускать никого в душу глухо твердила: *«Зачем тебе это? Ты приехала сюда быть одна»*.

Но мерное покачивание качели вдруг показалось ей не успокаивающим, а засасывающим. Словно она снова застыла в той самой серой офисной вкладке, боясь сделать реальный шаг.

«Ты — это не твоя функция», — пронеслись в голове его слова.

Пальма резко поднялась. Рюкзак остался на стуле. Она по-

чти бегом пересекла пустеющий зал кафе, бросив на ходу удивленному Эшу короткое: «Я сейчас!», и толкнула тяжелую дубовую дверь.

Холодный ночной воздух с запахом соли и сырого торфа мгновенно ударил в лицо. Туман на набережной стал еще плотнее, превращая мир в декорацию к готическому роману. Фигура Калума уже едва угадывалась метрах в двадцати впереди — он шел не торопясь, засунув руки в pocket куртки и тихо насвистывая какой-то мотив.

— Калум! — крикнула Пальма. Её голос прозвучал резко и звонко в сонной тишине шотландской ночи.

Мужчина остановился и медленно обернулся. Сквозь дымку тумана Пальма видела, как он удивленно приподнял брови. Она сделала несколько быстрых шагов, останавливаясь в паре метров от него, слегка запыхавшись. Дреды растрепались от резкого движения, а сережка в брови блеснула в свете фонаря.

— Все в порядке? — Калум сделал шаг ей навстречу, в его голосе промелькнула легкая тревога. — Что-то случилось? Забыла краску?

— Нет, с краской все хорошо, — Пальма перевела дыхание и упрямо посмотрела ему прямо в глаза, прогоняя остатки городского страха быть отвергнутой или непонятой. — Мой дом... он еще пахнет ремонтом. И мне совсем не хочется сидеть там в темноте. Ты сказал, твой паром уходит только завтра в полдень?

— Да, — Калум внимательно слушал, не перебивая, и на его губах начала появляться едва заметная, теплая улыбка.
— Мы застряли тут до утра.

— Тогда... у меня есть одно место, — Пальма поправила лямку комбинезона, чувствуя, как внутри разгорается то самое дикое, свободное чувство с её эскизов. — Это высокий утес на краю острова. Я бегаю туда по утрам, чтобы остаться наедине со своими мыслями и посмотреть на океан. Там сумасшедший ветер, и сейчас, в тумане, там, наверное, ничего не видно. Но... я хочу показать его тебе. Прямо сейчас. Пойдешь со мной?

Калум молчал всего секунду, но для Пальмы эта секунда показалась вечностью. Затем он вытащил руки из карманов, подошел ближе и открыто, без тени сомнения кивнул.

— Ветер на утесе в полночь — это лучшее, что может предложить этот остров, — тихо сказал он, и в его глазах снова зажглись те самые дерзкие, зовущие искорки. — Веди, дизайнер. Я иду за тобой.

Они развернулись и вместе направились вверх по тропинке, прочь от мерцающих огней набережной, уходя вглубь туманных шотландских холмов.

Пальма открыла глаза и несколько секунд просто лежала, уставившись в белоснежный потолок под самой крышей. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь новые белые шторы, мягко ложился на свежерыкрашенные серые стены спальни.

В комнате все еще деликатно пахло интерьерной краской, но этот запах больше не раздражал — он ассоциировался с чистотой. Внутри Пальмы впервые за долгое время было удивительно тихо. Не было привычной утренней тревоги, гнетущего чувства вины перед погибшими родителями или злости на весь мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.